лейской и церковной истории, и, главное, житийные иконы повторяют многие страницы лицевых рукописей, в данном случае использованных в прямом значении иконописных «подлинников».[17] Тем более для столь необычного по составу жития, для воплощения которого невозможно было воспользоваться какими бы то ни было традициями, источником для житийной иконы должна была несомненно послужить лицевая рукопись. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что рукопись, послужившая протооригиналом для разбираемой нами, явилась истоком и иконографии ряда икон (куда относятся уже упоминавшиеся нами иконы Муромского краеведческого музея, датирующиеся 1640-ми годами и 1669 г.). Время возникновения лицевой рукописи ограничивается 1547—1552 гг., т. е. моментом канонизации Петра и Февронии и временем оживления культа муромских чудотворцев в связи с Казанской эпопеей.

Трудно утверждать, была ли эта рукопись предназначена именно для упорядочения иконных изображений. Однако если учесть, с одной стороны, общую направленность деятельности Макария и его круга, а с другой — принять во внимание некоторые особенности дошедшей до нас лицевой рукописи, то такое предположение имеет некоторые основания.

Прежде всего большинство миниатюр носит прямоугольный характер, композиция отличается известной замкнутостью, архитектурные фоны значительно упрощены (если сравнивать их с такими сложными архитектурными фонами, как, например, в Лицевом своде), в пределах одной миниатюры изображается в большинстве случаев два, реже три происходящих одновременно или в прямой последовательности действия. Надписи над миниатюрами, являющиеся лишь краткими извлечениями из текста «Повести», могут трактоваться как будущие надписи на иконном клейме. Все это в значительной мере указывает на создание первоначальной рукописи как своего рода лицевого подлинника. В таком случае автора первоначального цикла миниатюр нужно искать в кругу макарьевских мастерских. На это указывает и прекрасный почерк, близкий лучшим страницам Лицевого свода и «Козьмы Индикоплова» (Синод. 997), и ряд аналогий в деталях с называвшимися выше рукописями макарьевского круга.

Все высказанные соображения подтверждаются и общей идейной направленностью цикла миниатюр, прославляющего Петра — святого-змееборца и единодержавного мудрого правителя-князя, страдавшего от боярских козней, но преодолевшего их собственной мудростью и благочестием.

Если в известной мере удается определить время возникновения и наметить круг, из которого вышел протооригинал лицевой «Повести», и определить его взаимоотношения с иконным циклом, то установить место написания и автора рукописи из бывшего Лихачевского собрания значительно труднее.

Иконографию ряда икон, в том числе двух икон XVII в., можно считать преемственной от протооригинала — первой лицевой рукописи — через древнейшую икону Грозненского времени к двум иконам XVII в. Таким образом, считать, что наша рукопись вновь копировала утраченную древнюю икону для создания икон XVII в., нет оснований.

Грозненская икона, окруженная, по преданию, особым почитанием, была достаточным источником для живописца середины XVII в. Иконописец, выполнявший икону 1669 г., явно копировал предыдущую икону 40-х годов, так как в виде 41-го клейма поместил оригинальный средник иконы 40-х годов.

[17] М. Владимиров и Г. Георгиевский. Древнерусская миниатюра. М., 1935, стр. 43—44.